

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА
Материалы для самостоятельного изучения

Геннадий КРАСНИКОВ
«Отечество Пушкина в опасности!..»

Эта статья является предисловием к антологии «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..», выпущенной изд-вом «Вече» в 2013 году. Составитель – Г. Красников. Статья представлена в сокращении.

*Язы́ка нашего небесна красота
Не будет никогда попра́нна от скота.*
Михаил Ломоносов

Я полезу на нож за правду, за отечество, за русское слово, язык!
Владимир Даль

*Владыки и те исчезали
Мгновенно и наверняка,
Когда невзначай посягали
На русскую суть языка.*
Ярослав Смеляков

Язык есть исповедь народа

Именно язык и вера православная, несмотря на мученический XX-й и наступивший разрушительный XXI-й век, не дали (не дают!) прерваться многовековой преемственности. Язык наша вторая купель после крещения... Его красоту Ломоносов неспроста называл «*небесной*» и предупреждал от будущего вражьего нападения:

Языка нашего небесна красота
не будет никогда попра́нна от скота...

Без сомнения, что —

Метальный, звонкой, самогудный,
Разгульный, меткий наш язык! (Н. Языков) —

уже сам по себе есть высшая поэзия и мудрость, на нём лежит безусловная печать гения его творца — русского народа. Оттого в художественном и творческом отношении мы по преимуществу являемся нацией Слова, в котором для нас соединились и музыка, и цвет, и пластика, и философия, и история, и психология, и земля, и Небо... П. Вяземский справедливо замечал:

Язык есть исповедь народа:
В нём слышится его природа,
Его душа и быт родной...

На основании всеми признанной красоты и богатства нашего языка должны мы признать, что душа русского народа по определению — поэтическая, художественная, творческая, «правдивая и свободная» (а отнюдь не рабская, как любят внушать нам клеветники России!). И несметное богатство это собрано в разнообразных словарях, своего рода скатертях-самобранках. Так, «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847 г.) хранит без малого 115 тысяч слов. «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля охватывает более 200 тысяч слов. В «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова — включено почти 90 тысяч слов. Это обилие, эта роскошь словесная — благоприятствовали

созданию особого неповторимого литературного языка и уникальной по мировым меркам отечественной литературы.

Современный исследователь В. Журавлёв, ссылаясь на труды русского учёного-языковеда, князя Н. Трубецкого, так объясняет данную особенность: «Сохранение и приумножение традиций церковнославянской книжности, основанной богодухновенным подвигом “ваятелей славянской души” святых Кирилла и Мефодия, создаёт определённые преимущества русского литературного языка... К внутренним преимуществам Трубецкой относит богатство словарного состава, особенно в оттенках значения слов, наличия параллельных пар слов, построенных на противопоставлении бытового, обыденного чему-то возвышенному (палец - перст, глаз - око, рот - уста, голова - глава, город - град и т.п.)».

Сын Льва Толстого, Сергей, вспоминал, как отец, работая над составлением «Азбуки» и «Книги для чтения», «не переставал изучать русский язык и собирать слова, поговорки и пословицы. В то же время он читал словарь Даля... Он говорил, что народная мудрость, выраженная в пословицах, поговорках, легендах, сказках и т. п., рассеяна по всей России; частицы её можно услышать то от одного русского человека, то от другого; а в целом они, дополняя друг друга, выясняют мировоззрение русского народа». И невозможно не изумиться тому глубокому уважению, которое, в отличие от сегодняшних не помнящих родства «реформаторов» образования, проявлял великий писатель к родному языку. А ведь не от барской блажи «чудил» Толстой, с 1849 года приступив к обучению крестьянских детей и открыв затем несколько начальных школ для крестьян Тульской губернии, - к педагогике он относился не менее серьёзно, чем к литературному труду.

Соглашаясь с глубокой мыслью филолога В. Базылёва о том, что «коренные русские слова помнят всю мировую историю, свидетельствуют об этой истории,

раскрывают её загадки...», поневоле задумаешься – а не по этой ли самой причине как раз и гнобят сегодня русский язык, национальное школьное образование, чтобы лишить нас памяти, родства со своей культурой, историей? Но язык – это ещё и духовная, нравственная энергия, передаваемая от поколения к поколению, и утрата такой энергии, через которую эти поколения как бы присутствуют и действуют вместе с нами в длящейся истории, - есть разрыв не только связи с этими поколениями, но и разрыв самой истории, утрата духа истории, исторического пути. Подобную ситуацию можно сравнить разве что с насильственной эвтаназией.

Время варваров

Если по-Достоевскому сердце человека есть арена борьбы между Богом и Дьяволом («Тут Дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»), то можно не сомневаться, что сегодня в войне за Россию поле битвы – русский язык... Недаром Пушкин, вопрошая: «Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров?», на первое место ставил главное, что сохраняло народ как нацию, поскольку «предки наши, в течение двух веков стоная под татарским игом, на языке родном молились русскому Богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования».

Профессор Архангельского университета Елена Галимова даёт такую оценку: «Процессы, которые происходят сейчас в русском языке, лингвисты называют “третьей варваризацией” (первая была в Петровскую эпоху, вторая - после революции 1917 года)». Подтверждением тому научная работа В. Живова «Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева», опубликованная в журнале «Отечественные записки». Рассматривая книгу лингвиста А. М. Селищева «Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком

последних лет. 1917–1926», описывающую языковые инновации, связанные с революцией 1917 года (издана 1928 в году), автор приходит к потрясающим по остроте и злободневности открытиям. Во-первых, говорит В. Живов, заимствования того времени «являются коммуникативно избыточными, без них можно было бы спокойно обойтись», и далее, самое важное открытие: «Это означает, что заимствования выполняют не прагматическую, а символическую функцию». То есть, речь идёт о насильственном внедрении заимствований, вносящих сущностное изменение в природу общества через изменение иерархии ценностей человека, а это и есть война на поле битвы языка, война на уничтожение прежнего человека в человеке, ибо принудительная смена символов через изменение, «денационализацию» (И. Ильин) его языка, есть сознательное зомбирование и расчеловечивание его. В. Живов объясняет смысл употребления подобных заимствований тем, что оно «символически осуществляет отказ от национальной традиции, разрыв с национальным прошлым, которое рассматривается при этом как воплощение и символическая основа ниспровергнутого социального порядка. Изобилие заимствований в революционном языке оказывается, таким образом, манифестацией антирусской политики большевиков в 1910–1920-е годы».

Ещё одно интересное сравнение: «Стоит обратить внимание на то, что французская революция ни к какому разгулу заимствований не привела и в этом — при всех отмеченных Селищевым сходствах — заметно отличается от российского катаклизма. Об этом отличии Селищев не говорит и этого феномена не объясняет... Учитывая символическую роль заимствований, его, однако же, нетрудно понять: во французской революции доминировала концепция национального суверенитета, абсолютно чуждая революции российской, носившей интернационалнорусофобский характер и замышлявшейся как часть революции мировой».

Поразительно, как всё повторяется вплоть до пресловутых «новых стандартов», до захвата вместе с вокзалами, банками и телеграфом – процесса «обучения» как «существеннейший механизм власти». Вот откуда упорство наших доморощенных глобализаторов в противостоянии с педагогической, научной, писательской, родительской общественностью, вставших на защиту российского образования.

Характерно, что в эти времена последней (далее уже только - край, бездна!) «варваризации», «лингвистической революции» – признаком власти стала повальная жаргонизация всех областей жизни и деятельности, когда словарями «новой политической терминологии» становятся издания словарей уголовного мира и мата, словарей, в которых образцом и нормой для русского человека, выросшего на Пушкине, Толстом, Бунине, Есенине, - объявляется язык безграмотных гастарбайтеров. Времена, когда у детей в школе фактически отнимают родную речь, а вместо сокращаемых уроков русского - навязывают язык очередного интернационала, загоняющего Россию в концентрационный «скотный двор» глобализации.

«Но есть и Божий суд, наперсники разврата»...

Нас, что ни ночь, разоряют станицы

Всякой пролётной прожорливой птицы.

(Н. Некрасов).

«Язык революционной эпохи, — пишет В. Живов, — это прежде всего специфический социальный инструмент, входящий в набор орудий культурной революции». Чему подтверждение российское телевидение, которое не только внедряет этот язык через оболванивающие развлекательные передачи, чернушные новости и криминальные сериалы, но прямо год за годом, десять лет

без роздыха, выпускает специфическую программу «Культурная революция». Самопровозглашённый интелlectual, самоназначенный ведущий этой передачи, некогда министр, а затем экс-министр культуры, бессменный и незаменимый советник по культуре наших президентов, Михаил Ефимович Швыдкой, как все его революционные прародители – от Троцкого, вопившего: «Будь проклят патриотизм!», и Луначарского, предлагавшего отдать Храм Христа Спасителя под танцевальный зал для Айседоры Дункан, до главы Агитпропа ЦК КПСС Александра Яковлева, который в своей статье «Против антиисторизма» заявлял: «И то что его (русского человека) жизнь, его уклад порушили вместе с милыми его сердцу святынями в революционные годы, так это не от злого умысла и невежества, а вполне сознательно» - также «вполне сознательно» продолжает дело «культурной революции», то есть, ведает, что творит, знает, «на что он руку поднимал»!.. (Характерная, кстати сказать, историческая разница в калибре фигур: всеми ругаемая царская власть для бесед и советов выбирала равных по своему статусу Ломоносова, Дашкову, Державина, Карамзина, Жуковского, Пушкина, а теперь по властным коридорам шныряют шоумен Швыдкой, Гельман, артисты, спортсмены).

Особый цинизм швыдковщины в том, что свои провокационные передачи по опощлению русской культуры — «Возможен ли русский язык без мата», «Русский фашизм хуже немецкого», «Пушкин устарел?», «Музеи — кладбища культуры» — светоч либеральных знаний осуществляет на государственном (!) канале «Культура» (!) на деньги налогоплательщика (то есть, того самого народа), чьи национальные святыни он попирает.

Александр Солженицын, будучи в изгнании, с горечью писал о зарождавшейся ещё в среде «третьей волны» эмиграции смены национальных символов, культурных знаков: «Эти освобождённые литераторы... — бросились в непристойности, и даже буквально в мат, и обильный мат... (Как сказал эмигрант

Авторханов: там это писалось на стенах уборных, а здесь – в книгах.) Уже по этому можно судить об их художественной беспомощности. Другие, ещё обильнее, – в распахнутый секс. Третьи – в самовыражение, модное словечко, высшее оправдание литературной деятельности. Какой ничтожный принцип. “Самовыражение” не предполагает никакого самоограничения ни в обществе, ни перед Богом».

Но непотопляемым телевизионным топтунам и плясунам на русской истории и культуре недостаточно просто смены «символов», «разрыва с национальным прошлым», или как говорит госпожа И. Прохорова, — «демифологизации». По сути, речь идёт об изменении национального и культурного кода русского народа. Идейный патрон и благодетель Прохоровой Сорос вместе с нашими «демифологизаторами» в один голос поёт: «Русский национализм может стать большей угрозой миру, чем был коммунизм». А господин Б. Парамонов на радио «Свобода» без обиняков заявляет, что нужна «“мутация русского духа” от православия к “новому типу морали”, нужно выбить русский народ из традиции», впрочем, мало чем отличаясь от здешних Парамоновых...

Однако, странные эти люди, наши непрощенные «просветители» и «цивилизаторы», так напоминающие энтузиастов начала прошлого века, которые то подобно герою Олеси «поют по утрам в клозете» от распирающих их рефлекторно чувств, то, как в повести Платонова, режут колбасу на крышке гроба ещё не застывшего покойника, то с большевистской прямоотой (как в платоновской же «Москве») ищут душу в прямой кишке... Тысячи раз повторив нам заезженную песенку про «патриотизм – последнее прибежище для негодяев», они тем самым по признакам формальной логики открыто объявляют себя «антипатриотами», то есть не любящими Россию. И немудрено, что вся эта антипатриотическая рать с гиканьем и улюлюканьем морально санкционировала омерзительное поругание Храма Христа Спасителя - Храма русской воинской

славы зоологическими кощунницами. Какою свободой «самовыражения» не прикрывались бы эти всемирные адвокаты дьявола, но цель их открытой войны железным военным языком выразил Бжезинский: «После устранения коммунизма у нас остался единственный враг – Православие». А по Сэмюэлю Хэнтингтону — «Цивилизация заканчивается там, где начинаются православные храмы», иными словами, цивилизация начинается там, где гадят в храмах, где уничтожают национальные святыни, где, говоря языком «цивилизованного» Ренана (объяснявшего наше несходство), - «смерть француза - факт нравственный, тогда как смерть казака (то есть, - русского. *Прим. авт.*) факт всего лишь физиологический».

Оставалось только дожидаться уже совсем невообразимого, когда же услышим мы, что и русский язык – это последнее прибежище для негодяев и неудачников (или «лузеров», как предпочитают презрительно называть нас на «Эхе Москвы»). С каким воодушевлением на «Эхе» несколько лет назад Бунтман обсуждал подстрекательскую антигосударственную идею перевода алфавита на территории России с кириллицы на латиницу.

Правда, оказалось, что ещё в 1772 году в журнале «Живописец» Н. Новиков сообщал о некоем *Выдумщике*, который предлагал «способ для приохочивания молодых российских господчиков к чтению русских книг. Оной в том состоит, чтобы русские книги печатать французскими литерами... Он утверждал, что ежели эта его выдумка произведётся в действо, то он надеется от сего великого успеха, потому что, по его мнению, французские буквы мягкостью своей очистят всю грубость российского языка». Как говорится, ничто не ново под луной, ни Смердяковы, ни подлость, ни предательство. Но то, что Новиков описывал как анекдот и курьёз, в реальности оказывается хорошо продуманной антигосударственной операцией.

Самый беспрецедентный по своей наглости и безнаказанности факт - это интервью «Независимой газете» (7 августа, 2001 г.) члена-корреспондента РАН Сергея Арутюнова, заявившего: «Идея какой-то особенности России... это вредная идея, реакционная. Россия должна интегрироваться в Европу. И одним из необходимых условий этого, по моему глубокому убеждению, является перевод письменности всех народов России на латинский шрифт... Я полагаю, что глобализация и компьютеризация нашей жизни в конечном счёте приведут к тому, что в нынешнем столетии на латинский алфавит перейдёт и русская письменность».

Ничем новым Арутюнов не удивил: Гитлер ведь тоже хотел нас «интегрировать в Европу», и, если бы Россия ценою миллионов жертв не избавила мир от этого «цивилизатора», у нас, на радость Арутюнову, сейчас была бы не просто латиница, а её готический, колючий как ограда концентрационных лагерей, вариант.

Профессор Е. М. Верецагин, вспоминая о последней встрече с лингвистом О. Н. Трубачёвым уже в больнице, рассказывает, что их разговор касался и высказываний Арутюнова. «Сердцем духовной культуры является язык, — говорил Олег Николаевич, — а если язык имеет алфавит тысячелетней традиции, на котором написаны и напечатаны миллионы и миллионы книг, то призыв изменить алфавит на поверку оказывается призывом отказаться от всей предшествующей духовной культуры. Что же до России, то даже если ей грозит опасность якобы оказаться за бортом цивилизации, народ (может быть, в отличие от “прогрессивной интеллигенции”) легко своё культурное достояние... не отдаст».

Но что для них выдающийся русский учёный Трубачёв, которого с его «кириллицей» Арутюнов с Бунтманом могут обвинить в шовинизме и национализме, не понимающим величайших благ глобализации! Выслушаем в

таком случае бельгийского учёного Ф. Винке, который, исследуя азбуку церковно-славянского языка, сделал вывод, что в ней «каждая новая буква хранит первичный замысел своего Создателя, содержит глубокий священный смысл и отражает религиозное мироощущение, мистическую интерпретацию каждого символа».

А Иосиф Бродский, поэтическим чутьём за версту чуя «прорицания» Арутюновых, так отвечает им:

...кириллица грешным делом,
разбредясь по прописи, вкривь ли, вкось ли,
знает больше: чем та сивилла...

По ком звонит рельса

В процессе работы над антологией «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!...» — меня удивило одно неожиданное открытие. В это трудно поверить, но среди всех обеспокоенных состоянием русского языка, самыми спокойными, если не сказать благодушными, — оказались (не все, разумеется!..) лингвисты, филологи, те, кто вроде бы по долгу службы обязаны были первыми бить тревогу. На эмоциональные выступления писателей, учителей, учёных, общественности, возмущённых негативными процессами, связанными с порчей языка, с культурой речи, с оправданием вариантов безграмотного произношения, с попытками навязывания очередной реформы орфографии, от чего предупреждал ещё Пушкин: «Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого», — из стана лингвистической корпорации наиболее мягким можно считать пожелание: «должна быть языковая толерантность», «страсти по этому поводу не нужны», «по поводу интенсификации процесса заимствования: не надо паниковать», «язык умеет самоочищаться, избавляться от функционально излишнего,

ненужного». При этом все, конечно же, говорят, что они против «языковой вседозволенности»...

Иногда учёные мужи не могут скрыть недовольствия, отбиваясь (от кого?! подумать только!) от жаждущих быть грамотными и научить этой грамоте других: «В особенности учителя (я просто знаю эту среду) требуют, чтобы им предоставили один вариант: “Нет, вы скажите, так или не так, не надо нам вариантов!”. Но это насилие над языком, потому что реально существует и то, и другое» (Л. Крысин).

Вместо того, чтобы сказать спасибо учителям, последним энтузиастам, за то, что они из последних сил пытаются хоть как-то сохранять на достойной высоте культуру речи, автор как будто бы раздражён их старомодным служением своему великому призванию (с них бы пример брать нашим политикам, министрам, профессорам!..). Учителя хотят учить, они хотят понимать в беспредельном культурном бедламе, в сумятице мнений, во всё разрушающем хаосе иерархии ценностей, — что есть культура, что есть язык литературный и нелитературный!.. Ведь и сам Л. Крысин согласен, что «Норма, в частности, тем и хороша, что она стабильна, консервативна и строга. Это необходимо, чтобы поколения понимали друг друга».

Но если бы только в том была проблема... «Есть какая-то тайная связь между ослабевшей грамматикой и нашей распавшейся жизнью. Путаница в падежах и чудовищный разброд ударений сигнализируют о некоторой ущербности бытия. За изъянами синтаксиса вдруг обнаруживаются дефекты души», — с горечью констатирует И. Волгин. Когда слышишь от авторитетных специалистов: «Сегодня мы видим, что вариативность в языке стала выше. И, вообще говоря, с ней тоже можно жить» (М. Кронгауз), то смущает, во-первых, некоторое пораженчество перед невежеством, и тем самым как бы некая официальная легализация этого невежества.

Мы, свидетели «третьей варваризации» русского языка, наблюдаем в криминально-кошмарном варианте повторение всё той же картины начала XX века, которую с болью и страстью описал Вяч. Иванов: «Язык наш свят: его кощунственно оскверняют богомерзким бесивом — неимоверными, бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучаниями, стоящими на границе членораздельной речи, понятными только как переключки сообщников, как разинское “сарынь на кичку”. Язык наш богат: уже давно хотят его обеднить... Язык наш свободен: его оскопляют и укрощают; чужеземною муштрой ломают его природную осанку, уродуют поступь!».

В антиутопии Дж. Оруэлла «1984» говорится, что «Цель новояза не только в том, чтобы [говорящие на нём] имели необходимое средство для выражения своих мировоззренческих и духовных пристрастий, но и в том, чтобы сделать невозможным все иные способы мышления».

Вспоминаются «новоязовские» тошнотворные словечки либералов «ровно наоборот», «отнюдь» (звучавшее как «отнять»), «ваучер», «тренд», «нерукопожатный», «заточенный», «лузеры» и проч. — от которых на Россию веяло ядовитым трупным запахом, что позднее символически выразилось (по Фрейду) в признании г. Чубайса в «почти физической ненависти» к великому русскому писателю Фёдору Достоевскому и желании «разорвать его на куски». С этой «почти физической ненавистью» к русскому языку и литературе, с желанием «разорвать на куски» российское образование - неуёмные клоны чубайсов и гайдаров заполонили Министерство образования, откуда планомерно вершат свои реформы, о которых в пору на площади в рельсу бить: «Отечество Пушкина в опасности!..»

«Мы знаем, что ныне лежит на весах...»

В начале статьи неслучайно вспоминались символически совпавшие даты, связанные с отношением государства и величайших сынов Отечества к русскому языку. Вспомним также с благодарностью, что имея столь благородный пример в лице своих предшественников, Николай I благословил Александра Шишкова на составление «Корнеслова». На титульном листе первого тома оригинального словаря Шишкова стояли царские слова: «Александр Семёнович! Дозволяю Вам книгу сию посвятить Моему имени, и изъявляя Вам за труды Ваши Мою признательность, пребываю к Вам всегда благосклонен. Государь Николай I».

Поневоле напрашивается вопрос, а какую же книгу сегодняшняя власть на память благодарным потомкам «дозволяет» посвятить своему имени, уж не утверждённый ли ведомством Фурсенко словарь, в котором узакониваются безобразные неграмотные формы произношения русского языка? Кому «признательна» и кому с таким упорством и упрямством являет она, вопреки протестам профессиональной и культурной общественности, свою «благосклонность» — не тем ли «преобразователям», объявившим открытую войну российскому образованию, которые с остервенением выдирают из школьной программы произведения русской классики и сводят количество жалких учебных часов, отведённых на русский язык и литературу, до уровня обучения колониальных народов?.. Об опасности подобных реформаторов предупреждал ещё академик Л. Щерба: «Как это ни звучит парадоксально, однако нужно сказать, что одной из причин понижения грамотности, одной из серьёзных причин, являются “новые методы”», имея ввиду «“усердие не по разуму”, которое проявляют некоторые администраторы. Многие из них решительно помешались на разных новых методах и расценивают школы и отдельных педагогов не по достигаемым ими результатам, а по тому, насколько они применяют новые методы». Л. Щерба с полным основанием заявляет о небезобидности даже по тем суровым временам подобных экспериментов: «Может показаться странным, что

после проведения реформы орфографии, которая и была задумана в значительной мере в целях облегчения достижения полной грамотности, результаты получились как раз обратные ожидаемым».

Всё действительно очень серьёзно. «Мы знаем, что ныне лежит на весах и что совершается ныне» в этой войне за русский язык и русскую культуру. «Письмо русское — одна из прочнейших нитей, связывающих нас со своей страной, со своим народом и его славным достоянием — родным русским языком» - был убеждён прозаик О. Волков. «Для меня русская грамота, как я её узнал, икона. Какой же верующий будет изменять свою икону или подрисовывать её?» - писал К. Бальмонт. Ещё жёстче в оценке О. Мандельштам: «“Онемение” двух, трёх поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории».

Академик А. Панченко справедливо вопрошал: «Может быть, развал государства произошёл и от неправильного словоупотребления. Вспомнить хотя бы горбачёвскую речевую “кашу”... Развал государства начался с “тэканья”... Товарищ Лигачёв, который из Сибири откуда-то, и он тоже “загэкал”. Приспосабливались они. Начальство “тэкает” и они “тэкают”. А Гоголь ведь не “тэкал”».

Писатель Иван Лукаш в зарубежном изгнании верил: «Россия – равновесие мира»: «... без *живой России*, основы мирового равновесия, без *благоденственной и мирной России* не будет ни благоденствия, ни мирного жития *никому на свете*. Потому что без России все равно не найдут никакого выхода, *ничего...*» Именно с этим и не могут согласиться внешние и внутренние враги России. Прав был первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Виталий, ещё в конце 80-х годов XX века провидевший сегодняшнюю судьбу нашей страны: «Будут брошены все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить

пламя Русского Возрождения. Вот перед чем стоит сейчас Россия. Это почище Наполеона и Гитлера»...

На память невольно приходит аналогия с ситуацией, предшествующей нападению Германии на Советский Союз, когда советскому разведчику Зорге из Токио удалось раскрыть планы начала агрессии с точностью до указанной им даты, но его донесения в Москве как будто не слышали.

Сегодняшние возмущённые голоса общественности о войне, открыто объявленной русской культуре и русскому образованию, для страдающей глухотой власти может стать такой же трагической ошибкой как игнорирование информации Зорге о нападении Германии на Советский Союз, если это, конечно, ошибка, а не идиотская глупость или, прости Господи, не сознательное участие в преступлении. А «предупреждения» в нынешнюю Ставку идут отчаянные: «Сегодня мы живём в оккупированной стране, в этом не может быть никакого сомнения... — пишет В.Г. Распутин. - Что такое оккупация? Это устройство чужого порядка на занятой противником территории. Отвечает ли нынешнее положение России этому условию? Ещё как! Чужие способы управления и хозяйствования, вывоз национальных богатств, коренное население на положении людей третьего сорта, чужая культура и чужое образование, чужие песни и нравы, чужие законы и праздники, чужие голоса в средствах массовой информации, чужая любовь и чужая архитектура городов и посёлков - всё почти чужое...!».

Когда-то русские писатели В. Распутин, В. Белов, С. Залыгин совместно с группой патриотически настроенных учёных смогли остановить так называемый «поворот северных рек» (речь шла о преступном плане переброски северных рек в южные республики!). Ныне осуществляется ещё более преступный план поворота исторической и культурной памяти народа в сторону беспамятства, деградации, национального равнодушия и предательства. «Когда Россия до

неприличия широко распахнулась Западу, - пишет профессор И. Ильинский, - Сорос не пожалел денег на реформирование программ российской школы и высшего образования и особенно — на подготовку учебников по гуманитарным наукам, прежде всего по российской истории, с помощью продажных отечественных и зарубежных фальсификаторов. Только сейчас школы постепенно избавляются от соросовских учебников, в которых российское и особенно советское прошлое так изгажено, так искажено, что не может узнать себя. Искалечено историческое сознание целого поколения молодых россиян».

В год 200-летия Отечественной войны 1812 года не лишним будет напомнить слова, участника той войны, офицера и поэта Фёдора Глинки: «Наполеон не прежде решился идти в Россию, пока не имел там тысячи глаз, вместо него смотревших; тысячи уст, наполнявших её молвой о славе, непобедимости и мудрости его; тысячи ушей, подслушивавших за него в палатах, дворцах, в домашних разговорах, в кругах семейственных и на площадях народных».

Адмирал А. С. Шишков писал в 1812 году при виде сгоревшей Москвы: «Где чужой язык употребляется предпочтительнее своего, где чужие книги читаются более, нежели свои, там при безмолвии словесности всё вянет и не процветает... Я почти стал в 1804 году о сем говорить смело, и Вы помните, как господа “Вестники” и “Меркурии” против меня восстали. По сочинениям их, я был такой преступник, которого надлежало запереть и взять с меня ответ, каким образом дерзнулся я говорить, что русскому надобно русское воспитание. Они упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвещение и всех обратить в невежество, что я иду против Петра, Екатерины, Александра; тогда они могли так влиять, надеясь на великое число заражённых сим духом, и тогда должен был я поневоле воздерживаться; но теперь я бы ткнул их носом в пепел Москвы и громко им сказал: “Вот чего вы хотели”».

Всё то же повторяется ныне в более грозном (с учётом изменившейся ситуации в глобализованном мире) масштабе. «Из языка уходят воля и сила. – Словно врач у постели больного диагностирует В. Курбатов. - Он живёт полем и небом, землёй и трудом. А вслушайтесь в наши ежедневные новости и найдите там про землю и труд. Там будут жертвы и аварии, теракты и пожары, саммиты и соглашения, кризис, кризис, кризис и президентские уверения в том, что человек должен видеть без уверений. Но ни полей, ни заводов, ни хлеба, ни света вы там не увидите». «Отовсюду – с телеэкранов, “от микрофонов”, с газетных полос – на нас хлынул поток мутной, безграмотной речи» - продолжает И. Волгин.

«Над Россией сегодня висит смог сквернословия, — пишет учёный В. Троицкий. - В таких условиях нелепо ожидать того, что называют культурной жизнью... В таких условиях каждое непечатное слово, произнесённое человеком, имеющим сознание, - плевок в лицо русского языка...

Политика Министерства образования по отношению к словесности в школе - это очевидное государственное преступление, и плоды этого преступления мы пожинаем сегодня и в школе, и в семье, и в быту, и в литературе».

Но что Министерству образования до мнения педагогов, крупных учёных, писателей!.. Господин Фурсенко всех убеждал, что «гуманитарные специальности... — это дорога в никуда». А кто, спрашивается, мостил своими «благими» реформами эту «дорогу в никуда», не сам ли вчерашний министр? Не благодаря ли этой государственной политике сегодня, по данным социологов, уже 40% российских семей не имеют в доме ни одной художественной книги?..

Специалисты в один голос заявляют строителям «дороги в никуда»: ЕГЭ – для России это национальная трагедия. А в ответ издевательское: от реформы ни на шаг!

Доктор филологических наук, профессор Л. Полякова: «Мишенью для министерских новаций на протяжении целого ряда лет остаются базовые не

только для образования, но главное – для формирования личности, учебные дисциплины — русский язык и русская литература, единственные, кстати, школьные дисциплины, непосредственно выполняющие воспитательную функцию и более всего, помимо прочего, воздействующие на представление школьника о фундаментальных основах национального самосознания, нравственного статуса человека».

Выдающийся пушкинист, филолог В. Непомнящий говорит: «План Даллеса – детская игрушка по сравнению с реформой образования... Мы стремительно движемся к национальной катастрофе... Надо спасать Россию от реформы образования». Какой там Зорге, кому нужны его предупреждения! Министерство плюёт с кремлёвских башен на «дикарей», цепляющихся за какой-то там «великий и могучий» русский язык!..

Доцент кафедры стилистики русского языка журфака МГУ Анастасия Николаева сталкивается с этим ежегодно во время установочных диктантов для выявления уровня знаний первокурсников. Вот один из «чудовищных результатов» 2009 года (за минувшие годы, можно не сомневаться, «реформа» добилась ещё больших успехов!): «Из 229 первокурсников на страницу текста сделали 8 и меньше ошибок лишь 18%. Остальные 82%, включая 15 стобалльников ЕГЭ, сделали в среднем по 24-25 ошибок.

Практически в каждом слове по 3-4 ошибки, искажающие его смысл до неузнаваемости. Понять многие слова просто невозможно. Фактически это и не слова, а их условное воспроизведение...

Я 20 лет даю диктанты, но такого никогда не видела. Храню все диктанты как вещдок. По сути дела, в этом году мы набрали инопланетян... Это национальная катастрофа!». «В чём причина? – спрашивает она, и отвечает: - В какой-то степени в “олбанском” интернет-языке. Однако главная беда – ЕГЭ. По словам первокурсников, последние три года в школе они не читали книг и не писали

диктантов с сочинениями — всё время лишь тренировались вставлять пропущенные буквы и ставить галочки.

ЕГЭ уничтожил наше образование на корню. Это бессовестный обман в национальном масштабе. Суровый, бесчеловечный эксперимент, который провели над нормальными здоровыми детьми, и мы расплатимся за него полной мерой... Дети не понимают смысла написанного друг другом. А это значит, что мы идём к потере адекватной коммуникации, без которой не может существовать общество. Мы столкнулись с чем-то страшным. И это не край бездны: мы уже на дне» («МК» - 16.11.2009).

Если не остановить эту неприятельскую колонну «преобразователей», то, пожалуй, пора прислушаться к братьям кн. Сергею и кн. Александру Волконским, авторам книги «В защиту русского языка» (Берлин, 1928): «Здесь нужна Добровольческая армия. Самое существование русского языка в опасности. Надо осознать, что язык народа, как и имя народа, неотъемлемое условие его бытия и что, если мы хотим, чтобы народ русский продолжал существовать, то должны держаться за эти два начала, как держатся за него другие народы, — с остервенением, руками, ногами и зубами».

Здесь уместно вспомнить два весьма неглупых высказывания канцлера Бисмарка. «Россию - нельзя победить силой, её можно разрушить только изнутри!», - говорил он и слова его сбываются на наших глазах.

А после победы в Франко-прусской войне в 1871 году Бисмарк сказал, что войну выиграл не прусский солдат, войну выиграл прусский школьный учитель... Какую же войну может выиграть поверженный русский учитель в разгромленной школе, в которой реформы проводят под диктовку Запада, а учебники пишут на гранты людей, ненавидящих Россию!..

И, кажется, уже с небес пытается докричаться до нас бедная Марина Цветаева:

Мракобесие. - Смерч. - Содом.
Берегите Гнездо и Дом.
Долг и Верность спустив с цепи,
Человек молодой - не спи!
В воротах, как Благая Весть,
Белым стражем да встанет - Честь.
Обведите свой дом - межой,
Да не внидет в него - Чужой.
Берегите от злобы волн
Садик сына и дедов холм.
Под ударами злой судьбы -
Выше - прадедовы дубы!

Задумайтесь, господа власть предержавшие! Ведь ни хлеба с барского стола, ни барской милости просит русский человек, но оставить ему воздух, которым дышит его душа – воздух русского слова, русской речи, защиты этого источника. С очищения его начнётся и очищение всего остального. Стоит хотя бы из чувства самосохранения вспомнить, что «когда в 1945 г. японцы потерпели сокрушительное поражение, то возрождение своей страны они начали с создания теории и программы повышения культуры языка как решающего фактора национального и культурного прогресса» (Ф. Березин).

Характерный знак времени — когда в октябре 2009 года не стало русского поэта Виктора Бокова, автора поистине народных песен, таких, как «Оренбургский пуховый платок», «На побывку едет», - именно в те дни все средства массовой информации — от государственного телевидения и радио до последней либеральной газеты - денно и ночью шумели о смерти криминального авторитета Япончика, о том, как на его похороны съезжались «воры в законе»... И не было никакой информации о том, что Россия потеряла одного из выдающихся своих

сыновей – словотворца Виктора Бокова! Грустно это и символично. Потому что напоминает, в какое время и в каком государстве мы живём, где почётом и славой окружают бандитов, а люди культуры, люди труда по сути выброшены на обочину жизни.

Грозный старик Салтыков-Щедрин наивно верил, что «Литература не умрёт!.. Одна литература изъята из законов тления, она одна не признаёт смерти». Однако её можно силой изъять, уничтожить, достаточно для начала изъять из жизни народа его родной язык. И тут уже не отсидишься, прячась от врага, как за каменной стеной, за могучими предками. Пока не поздно, стоит прислушаться к трезвому предупреждению Д. Мережковского: «Напрасно, гордясь великим прошлым, мы стали бы утешать себя мыслью, что не может постигнуть полное литературное варварство ту страну, у которой есть Пушкин, Тургенев и Толстой. Благодатные гении прошлого отступаются от своего народа, если он недостоин их».

Вспомните имена ученых лингвистов и филологов, упоминаемых в тексте.

Какие из этих имен Вы уже слышали ранее, а какие Вам встретились впервые?

Что вы знаете об этих ученых?

Найдите информацию об этих ученых и их трудах.